

Гилберт Кийт Честертон (Gilbert Keith Chesterton)

[Оглавление](#) »» [Эссе](#)

В защиту детективной литературы

Чтобы попробовать раскрыть сокровенную психологическую причину популярности детективной литературы, необходимо избавиться от многих ходячих представлений. Неправда, например, будто публика предпочитает плохую литературу хорошей и зачитывается детективными романами, потому что это плохая литература. Одно только отсутствие высоких художественных достоинств отнюдь еще не делает книгу популярной.

Железнодорожный справочник Брадшо мало похож на психологическую комедию, но его ведь и не читают вслух, покатываясь со смеху, долгими зимними вечерами. И если детективные рассказы и романы читают более увлеченно, чем железнодорожные справочники, то явно потому, что они более художественны. Многие хорошие книги, слава Богу, популярны среди читателей; многие плохие книги, тем более слава Богу, непопулярны среди них.

Хороший детектив, по всей вероятности, будет более популярен, чем плохой. Беда в том, что многие люди просто не понимают, что может существовать такая вещь, как хороший детектив: для них это все равно что говорить о добром дьяволе. Написать рассказ о ночной краже — значит в их глазах как бы совершить ее в глубине души. Для людей же не столь чувствительных это вполне естественно; нельзя не признать, что во многих детективных романах полно самых сенсационных преступлений, точь-в-точь как в пьесе Шекспира.

Между прочим, хороший детектив отличается от плохого так же, как отличается хорошая эпическая поэма от плохой, и даже больше. Мало того, что детективный роман или рассказ является совершенно законным литературным жанром, он обладает к тому же вполне определенными и реальными преимуществами как орудие общего блага.

Первое важнейшее достоинство детектива состоит в том, что это — самая ранняя и пока что единственная форма популярной литературы, в которой выразилось некое ощущение поэзии современной жизни. Люди веками жили среди высоких гор и вечных лесов, прежде чем осознали их поэтичность; можно с достаточным основанием предположить, что далеким нашим потомкам дымовые трубы, возможно, покажутся такой же яркой метафорой, как горные пики, а уличные фонари — таким же старым и естественным украшением пейзажа, как деревья.

В этом процессе осознания большого города как чего-то первобытно-дикого и очевидного как данность детектив, безусловно, играет роль «Илиады». Читатель, конечно, заметил, что герой или сыщик в этих детективных историях странствует по Лондону, одинокий и свободный, как принц в волшебной сказке, и по ходу этого непредсказуемого путешествия случайный omnibus обретает первичные цвета сказочного корабля. Вечерние огни города начинают светиться, как глаза

бессчетных домовых — хранителей тайны, пусть самой грубой, которая известна писателю, а читателю — нет.

Каждый изгиб дороги, словно указующий перст, ведет к решению загадки; каждый фантастический контур дымовых труб на фоне неба, похоже, неистово и насмешливо намекает на значение тайны. Это осознание поэзии Лондона — дело нешуточное. Ведь город, коли на то пошло, даже более поэтичен, чем сельская местность, ибо если Природа являет собою хаос бессознательных сил, то город — это хаос сил сознательных.

Форма цветка или узор лишайника могут быть многозначительными символами, а могут и не быть ими. Но нет такого булыжника на улице, нет такого кирпича в стене, который не являлся бы и в самом деле исполненным смысла символом — посланием от какого-то человека, таким же, как телеграмма или почтовая открытка. Самая узкая улочка запечатлела в каждом повороте и извие своего замысла душу строителя, вероятно, давно уже умершего. Каждый кирпичик несет на себе такой же тайный человеческий знак, как если бы это была клинописная таблица из Вавилона; каждая шиферная плитка на крыше представляет собой документ не менее поучительный, чем грифельная доска, испещренная записями арифметических действий.

Все, что способствует — даже в фантастической форме мелочей, подмечаемых Шерлоком Холмсом, — утверждению этой романтики детали в цивилизации, подчеркиванию этой глубокой печати человечности, лежащей на камнях и черепицах, служит доброму делу. Разве плохо, что рядовой человек усвоит привычку разглядывать людей на улице через призму творческого воображения, пусть даже в надежде узнать, после десятка неудачных попыток, известного вора?

Мы могли бы, наверное, пометать о возможности иной и более высокой романтики Лондона: ведь приключения человеческой души удивительней приключений тела, а раскрывать людские добродетели труднее и увлекательней, чем раскрывать преступления. Но, поскольку большие наши писатели (за восхитительным исключением Стивенсона) уклоняются от описания той волнующей атмосферы и того момента, когда глаза большого города по-кошачьи загораются во тьме, мы должны отдать должное популярной литературе, которая вопреки лепету литературных педантов и эстетов отказывается видеть прозу жизни в сегодняшнем и будни — в обыкновенном.

Популярное искусство во все века интересовалось современными ему обычаями и костюмами; живописцы рядили группы людей на картинах, изображающих распятие Христа, в одежды флорентийской знати или фламандских бюргеров. Столетие назад выдающиеся актеры имели обыкновение играть Макбета в пудреном парике и кружевных манжетах.

Попробуйте-ка вообразить себе полотно, на котором Альфред Великий был бы изображен поджаривающим себе хлеб на огне и одетым в туристские бриджи, или спектакль «Гамлет», в котором принц датский появлялся бы во фраке и с траурной лентой из крепа на цилиндре, — и вы легко убедитесь, сколь далеки мы в этом веке от подобной поэтизации нашей собственной жизни и ее обычаев.

Но стремление эпохи оглядываться, точно жена Лота, назад не могло быть вечным. Рано или поздно должна была возникнуть грубая, популярная

литература, раскрывающая романтические возможности современного города. И она возникла-таки в форме популярных детективов, таких же грубоватых и горячащих кровь, как баллады о Робин Гуде.

Однако детективные романы и рассказы делают и другое полезное дело. Тогда как «ветхому Адаму», этой греховной человеческой природе, свойственно вечно бунтовать против универсальности и механичности цивилизации, проповедовать раскол и восстание, романтическая литература о работе полиции в известном смысле способствует осмыслению того факта, что цивилизация сама является наиболее сенсационным из расколов, наиболее романтическим из восстаний.

Показывая бдительных стражей, охраняющих аванпосты общества, она постоянно напоминает нам о том, что мы живем в вооруженном лагере, окруженном враждебным хаотическим миром, и что преступники, эти детища хаоса, суть не что иное, как предатели в нашем стане.

Когда сыщик в приключенческом полицейском романе с безрассудной отвагой заходит в воровской притон и противостоит в одиночку ножам и кулакам бандитов, это наверняка побуждает нас помнить, что оригинальная и поэтическая фигура — это блюститель социальной справедливости, а воры и грабители — это всего-навсего старые как мир, самоуспокоенные космические ретрограды, счастливо наслаждающиеся древней респектабельностью обезьян и волков.

Романтика полицейской службы оборачивается, таким образом, романтикой всего человечества. Она основана на том факте, что нравственность представляет собой самый тайный и смелый из заговоров. Она напоминает нам: вся эта бесшумная и незаметная полицейская деятельность, что регулирует нашу жизнь и защищает нас, является всего лишь донкихотством, которому сопутствует успех.

1902.

* * * * *

Данный текст воспроизведён по изданию: Честертон Г. К. Как сделать детектив. / Пер. с англ. В. Воронина — М.: Радуга, 1990. 320 с.

В бумажном издании этому тексту соответствуют страницы 16–19.

Материал с сайта <http://www.chesterton.ru/essays/0042.html>